

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НИМФЕЙ И ЕГО СОСЕДИ:
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Санкт-Петербург
2024

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

приглашает Вас принять участие в работе
научной конференции

**НИМФЕЙ И ЕГО СОСЕДИ:
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

**посвященной 95-летию
со дня рождения Н. А. Грач
и 85-летию Нимфейской
археологической экспедиции
Государственного Эрмитажа**

Заседания состоятся
21–22 ноября 2024 г.
в Зале Совета

Вход с Малого подъезда
Дворцовая наб., д. 34

Начало утренних заседаний в 11.00,
дневных – в 16.00

Регламент для докладов – 20 мин.

Нонна Леонидовна Грач
1929–1991

ПРОГРАММА

21 ноября

10.30 – начало регистрации участников конференции

11.00

Утреннее заседание

Вступительное слово
генерального директора Государственного Эрмитажа
Михаила Борисовича Пиотровского

Молева Наталья Владимировна (*Нижний Новгород*)

Нонна Леонидовна Грач – дорогая, любимая, незабвенная...

Жижина Надежда Константиновна (*Санкт-Петербург*)

«Где слава для меня предмет заботы малой...» Нина Залмановна

Кунина – хранитель, ученый, друг

Соколова Ольга Юрьевна (*Санкт-Петербург*)

Нимфейской экспедиции 85 лет

Застрожнова Евгения Григорьевна (*Санкт-Петербург*)

Из истории археологического изучения Нимфея

в довоенный период (1938–1941)

Обсуждение докладов

12.30–13.00 – перерыв

Марков Константин Владимирович (*Нижний Новгород*)

Юго-западный раскоп участка «М» городища Нимфей

(итоги исследований 2004–2011 гг.)

Виноградов Юрий Алексеевич (*Санкт-Петербург*)

Н. П. Кондаков и изучение некрополя Нимфея

Бейлин Денис Владиславович, Куликов Алексей Владиславович (*Керчь*);
Рукавишников Ирина Викторовна (*Москва*)
Результаты исследования участка некрополя Нимфея в 2020 г.

Бутягин Александр Михайлович (*Санкт-Петербург*)
Старшая группа курганов Нимфея в свете формирования культуры
боспорской элиты

Умрихина Татьяна Викторовна, Кучеревская Нина Львовна (*Керчь*)
Архитектура Нимфея в контексте выставочной работы
Музея каменных древностей

Обсуждение докладов

15.00–16.00 – перерыв

16.00

Дневное заседание

Павличенко Наталья Андреевна (*Санкт-Петербург*)
Керамическое клеймение Гераклеи Понтийской: современное
состояние вопроса

Ильина Юлия Ивановна (*Санкт-Петербург*)
Хиосская керамика из раскопок Нимфея в коллекции
Государственного Эрмитажа

Букина Анастасия Геннадиевна (*Санкт-Петербург*)
Два краснофигурных сосуда из Нимфея: новая датировка
эксклюзивной группы аттического импорта

Петракова Анна Евгеньевна (*Санкт-Петербург*)
Аттические фигурные сосуды V в. до н. э. из раскопок Нимфея

Егорова Татьяна Валерьевна, Журавлев Денис Валерьевич (*Москва*)
Медальоны на «каленских чашах» с памятников
Европейского Боспора

Обсуждение докладов

22 ноября

11.00

Утреннее заседание

Толстиков Владимир Петрович (*Москва*)

Храм Аполлона в ранней истории Пантикапея

Масленников Александр Александрович (*Москва*)

Кто-кто в «теремочке» живет

Вахтина Марина Юрьевна, Соловьев Сергей Львович

(*Санкт-Петербург*)

Еще раз о хозяйственном укладе Порфмия

в эллинистическое время

Вахонеев Виктор Васильевич, Соловьев Сергей Львович

(*Санкт-Петербург*)

Культурные напластования античного городища Акра:

хронология, сохранность, особенности изучения

Ланцов Сергей Борисович,

Майко Вадим Владиславович (*Симферополь*)

Поселения I–IV вв. н. э. в окрестностях Судака.

К вопросу о западной границе Боспорского царства

Обсуждение докладов

12.45–13.15 – перерыв

Трейстер Михаил Юрьевич (*Бонн*)

Золотой браслет из мужского погребения Куль-Обы

Зуев Вадим Юрьевич (*Санкт-Петербург*)

Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии и на Боспоре

Терещенко Андрей Евгеньевич (*Санкт-Петербург*)

Монеты из «святилища Деметры» (раскопки 1939 г.)

Каспаров Алексей Каспарович,

Кондрашова Елизавета Сергеевна (*Санкт-Петербург*)

Мясной рацион античных обитателей Восточного Крыма.

Иной подход и новые результаты

Хршановский Владимир Андреевич (*Санкт-Петербург*)

Атрибуции барельефа с Илуратского плато. Новые версии

Обсуждение докладов

15.00–16.00 – перерыв

16.00

Экскурсия

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

О. Ю. Соколова (Санкт-Петербург)

Нимфейской экспедиции 85 лет

Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа была создана в 1939 г. с целью исследования боспорского города Нимфея, руины которого прослеживались на северо-восточной окраине пос. Эльтиген близ Керчи. Это связано с тем, что в 1937 г. по северному и северо-восточному склонам нимфейского плато начались разработки выходов известняка для нужд строительства, которые привели к разрушению строительных остатков и культурного слоя городища. Для того чтобы предотвратить дальнейшее разрушение памятника, в 1938 г. отрядом Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, возглавляемой профессором В. Ф. Гайдукевичем, были проведены разведочные раскопки на территории Нимфея, которыми руководил П. Ф. Силантьева, старший научный сотрудник Отдела истории культуры и искусства античного мира Государственного Эрмитажа.

С 1939 по 1958 г. экспедицией руководил М. М. Худяк, а постоянной помощницей на протяжении этих лет была В. М. Скуднова, которая после его смерти возглавила экспедицию. В результате были открыты: комплекс сооружений VI–III вв. до н. э., интерпретированный М. М. Худяком как святилище Деметры, жилые кварталы и общественные здания разного времени, оборонительная стена, винодельня. Многочисленный археологический материал пополнил коллекции Эрмитажа.

Помощь в работе экспедиции оказывали жители пос. Эльтиген (Героевское), которые долгое время работали на раскопках в качестве землекопов. В 1939 г. топографическую съемку городища осуществил старший инженер КБ ЖРК И. П. Зелинский, а в 1941, 1946–1948 гг. фотофиксация объектов в процессе работ проводилась фотокорреспондентом газеты «Керченский рабочий» М. А. Максименко.

В 1966 г. экспедицию возглавила Нонна Леонидовна Грач, ученица В. Ф. Гайдукевича. С ее именем связан новый этап в изучении Нимфея. Под руководством Н. А. Грач были выявлены особенности городской планировки в разные периоды существования города, велись работы на новых участках, блестящее подтверждение получила ее гипотеза о жизни города

в эллинистическое время. Особо следует отметить раскопки на южном склоне нимфейского плато, где был открыт монументальный архитектурный комплекс, интерпретированный Н. А. Грач как святилище Афродиты Навархиды и датированный IV – первой половиной III в. до н. э., две эллинистические винодельни, рассчитанные на товарный сбыт вина, куртины оборонительной стены и остатки жилых комплексов первых веков н. э. В 1966, 1973–1978 гг. проводятся раскопки на территории городского некрополя. Эти материалы, опубликованные в монографии Н. А. Грач «Некрополь Нимфея» (1999), вышедшей после ее кончины, играют важную роль при решении многих вопросов истории Нимфея.

С 1991 по 2018 г. экспедицией руководила старший научный сотрудник ОАМ О. Ю. Соколова. Следует отметить, что в 2009–2011 гг. работы велись совместно с Институтом археологии НАНУ¹, а в 2012–2013 гг. – вместе с Керченским историко-культурным заповедником (ныне Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник)². Продолжались раскопки в центральной части городища, где доследовались жилые и общественные комплексы, но основное внимание было сосредоточено на исследовании сооружений на южном склоне нимфейского плато, где открыта площадь с комплексом пропилей и театроном.

В настоящее время в археологических исследованиях все активнее используются геофизические методы разведки. В 1992 и 1999 гг. сотрудницей НИИ физики им. В. А. Фока СПбГУ Т. Н. Смекаловой проведены работы по изучению эффективности применения методов магниторазведки для выявления строительных остатков и других объектов на многослойных античных памятниках, таких как Нимфей. Полученные данные были в дальнейшем подтверждены на отдельных участках во время раскопок.

В 1993–1998 гг. в рамках совместной российско-польско-украинской программы «Нимфей – история и структура греческого полиса» в работе Нимфейской экспедиции принимали участие сотрудники Института археологии и этнологии Польской академии наук во главе с д-ром Александрой Вансович. В 1993 г. проводились исследования с применением методов электроразведки, задачей которых также было определение степени эффективности использования методов электроразведки на конкретном памятнике³. В дальнейшем на основании полученных данных были осуществлены археологические раскопки на участке «Н».

¹ Руководителем с украинской стороны была д. и. н. А. В. Буйских.

² В 2012 г. руководителем с украинской стороны был сотрудник КИКЗ М. А. Котин, осуществлявший раскопки на территории некрополя, а в 2013 – ученый секретарь КИКЗ А. В. Куликов.

³ Эти работы были проведены сотрудником Института археологии и этнологии ПАН д-ром Томашем Хербином при участии сотрудника Института археологии Варшавского университета д-ра Томаша Шолля.

В 2019 г. начальником экспедиции назначена младший научный сотрудник ОАМ Н. Ю. Новоселова. Были продолжены работы по исследованию на южном склоне нимфейского плато и заложен новый участок «О» с целью поиска главных городских ворот, уточнения планиграфии городища и общей линии обороны. В 2022 г. сотрудником Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого С. А. Смекаловым осуществлено магнитометрическое обследование нового участка с целью выявления границ и размеров линии оборонительных стен и формы башен древнего города.

В работе экспедиции всегда участвовали сотрудники Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, которые выполняли обязанности руководителей участков, занимались обработкой находок и оформлением полевой документации, помогали в решении организационных вопросов функционирования экспедиции, участвовали в подготовке публикаций материалов. Активное участие в работе экспедиции принимали реставраторы Отдела научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа, фотографы РИО и сотрудники других отделов музея.

Архитектурные обмеры и вычерчивание полевых чертежей, их дальнейшая обработка по окончании сезона выполняются архитекторами, а также студентами старших курсов Ленинградского инженерно-строительного института (ныне СПбГАСУ) и Академии художеств (ныне СПбГАИЖСА), принимавшими участие в работе экспедиции.

Остеологические материалы из раскопок обрабатывались научным сотрудником Зоологического института В. И. Громовой (1939) и зоологом В. И. Бибиковой (1949). С 1995 г. по настоящее время эту работу осуществляет заведующий Лабораторией археологической технологии ИИМК РАН А. К. Каспаров. Определением антропологических материалов занимались сотрудники Института антропологии и этнографии АН СССР И. И. Гохман и Ю. К. Чистов (1976–1977).

Следует упомянуть наших коллег из ИВ АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН), ИИМК РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Государственного Русского музея, Государственного музея истории религии, ИАЭ Армянской ССР, которые участвовали в раскопках Нимфея и его некрополя.

Люди разных профессий и возрастов – любители археологии из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Уфы, Перми, Казани, Еревана, Тарту, Риги, Киева, Днепропетровска, Керчи, Нью-Йорка, Берлина – много сил и времени отдали Нимфею, вложив в свой труд и частичку души. Они трудились в течение многих лет, главным образом в качестве землекопов, силами которых и осуществляются все работы на раскопках.

В эрмитажной экспедиции проходили археологическую практику студенты разных вузов: в 1952–1953 гг. это были студенты Казанского государственного университета, начиная с 1967 г. – студенты Горьковского государственного

университета им. Н. И. Лобачевского (ныне ННГУ им. Н. И. Лобачевского), а в 2003 году Нимфей принял новую волну студентов-нижегородцев. В 2015 году в работе экспедиции участвовали студенты Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Следует отметить большой вклад в изучение Нимфея и студентов кафедры истории Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета, которые с 2004 по 2013 г. работали в Нимфейской экспедиции, и их бессменного руководителя А. Д. Пантелеева, а также студентов других кафедр исторического факультета (ныне Института истории) СПбГУ. Многие бывшие практиканты и по окончании вузов продолжают приезжать на раскопки уже самостоятельно. С 2019 г. в работе экспедиции принимают участие студенты-реставраторы Академии художеств.

Заметный след в истории экспедиции оставили и ученики Санкт-Петербургской классической гимназии, которые в 1997–1998 гг. под руководством преподавателей В. Н. Кравченко, С. И. Ивановой и Е. В. Вензель принимали участие в раскопках, а впоследствии многие из них продолжали приезжать в Нимфей.

Отдавая дань памяти предшественникам — в особенности Нонне Леонидовне Грач — и отмечая очередную годовщину со дня начала работ Нимфейской археологической экспедиции, хочется выразить надежду на то, что огромная работа, сделанная за минувшие годы, не останется без дальнейшего развития, исследование Нимфея продолжится, а полученные в результате раскопок материалы позволят по-новому взглянуть на многие вопросы истории города и Боспора в целом.

Д. В. Бейлин, А. В. Куликов (*Керчь*);

И. В. Рукавишникова (*Москва*)

Результаты исследования участка некрополя Нимфея в 2020 г.

Археологические раскопки участка некрополя античного городища Нимфей проводились в 2020 г. в зоне строительства на территории объекта культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс „Древний город Нимфей“». Исследованный участок расположен слева от ведущей в поселок Героевское асфальтированной дороги, параллельно ей. Длина в направлении ЮВ–СЗ составила 270 м, ширина — 4 м, общая площадь 1100 м².

В результате раскопок выявлено и исследовано 77 археологических комплексов: 65 погребений, ров, три траншеи и восемь хозяйственных ям. Часть погребений оказалась разграбленной в разное время. Погребальные сооружения исследованного участка некрополя представлены простыми грунтовыми могилами, катакомбами, могилами с каменным плитовым пере-

крытием, плитовыми ящиками, могилой с сырцовыми стенами и каменным перекрытием и детским погребением в амфоре.

В погребальном обряде преобладает захоронение по способу ингумации. В основной своей массе погребенные уложены в вытянутом положении на спине головой на восток (или в близких к нему направлениях). Также зафиксирована и южная ориентация погребенных. Наиболее раннее погребение обнаружено в хозяйственной яме № 8, где кости скелета, за исключением черепа, уложены в две амфоры конца VI – первой трети V в. до н. э. (хиосскую пухлогорлую и фрагментированную протофасосскую). Основная масса погребений датируется IV в. до н. э. Выделяется ряд захоронений I–II вв. н. э., в том числе погребение взнузданной лошади.

Выборка погребальных комплексов оказалась весьма репрезентативной. Как указано выше, удалось открыть погребения, относящиеся к разным хронологическим периодам. Часть захоронений расположена вплотную, образуя участки с большой плотностью, где читается рядность, часть же – отдельными компактными группами. На участках некрополя более раннего времени зафиксированы погребальные комплексы первых веков н. э., что может свидетельствовать о зонировании сакрального пространства некрополя и о его относительно строгих регламентированных территориальных границах.

Помимо погребальных комплексов на данной территории выявлен участок поселенческой структуры с огораживающими рвами и хозяйственными ямами VI–V вв. до н. э., принадлежащий ближайшему поселению Эльтиген-Западное.

Таким образом, исследованная выборка погребений на участке, пересекающем южную часть установленной охранной зоны территории некрополя, подтверждает и дополняет выводы, сделанные ранее исследователями памятника, о хронологических этапах существования некрополя, культурном разнообразии строителей погребений (типы сооружений, типы погребений, присутствие в вещевом комплексе предметов скифской культуры, а также вторичное использование антропоморфных надгробий вместо плит), разнообразии погребальных сооружений и преемственности в погребальном обряде. Несмотря на весьма ограниченную площадь раскопок 2020 г., можно еще раз подчеркнуть, что планировка территории некрополя была обусловлена рельефом местности и основных транспортных коммуникаций, а сам некрополь разделен на участки, которые неоднократно использовались на протяжении всего периода существования Нимфея.

Два краснофигурных сосуда из Нимфея: новая датировка эксклюзивной группы аттического импорта

В античной археологии Боспора Киммерийского традиционно особое внимание уделяется группам импортных предметов, которые могли быть изготовлены в результате некоего заказа боспорских потребителей. Таковы аттические краснофигурные рыбные блюда с изображениями на тему похищения Европы (в отличие от основной массы таких сосудов, украшенных фигурами морских животных, гиппокампов и Тритона). Известные в настоящее время фрагментированные экземпляры так называемой Группы Европы происходят из раскопок боспорских памятников (документированные находки) или с юга России (покупки).

Греческие рыбные блюда с краснофигурной росписью были более востребованы на востоке (начиная с Кипра) и на западе Средиземноморья (особенно в Южной Италии), тогда как афиняне использовали преимущественно чернолаковые. Согласно современной классификации греческих краснофигурных рыбных блюд, разработанной Й. Мак-Фи и А. Д. Трендаллом, Группа Европы объединяет наиболее ранние из них и датируется первой четвертью IV в. до н. э. В Нимфее на городище найдены единичные фрагменты таких блюд и одно фрагментированное – в курганном некрополе. Исследуя «на склоне возвышенной плоскости к морскому берегу, над усадьбою владельца сел. Эльтегена» в 1879 г. (ОАК за 1878–1879 гг. С. LXII), С. И. Веребрюсов обнаружил «неподалеку от плитовой гробницы (ограбленной), жженный точок площадью в 4 м², <который> состоял из пепла, угля, костей животных и массы обломков посуды. Среди них найдены: верхняя часть краснофигурного аска <ГЭ, инв. № ГКН.180>; краснофигурное блюдо с изображением похищения Европы <Киев, Нац. музей истории Украины>» (Силантьева 1959. С. 98–99).

Из двух сосудов аск обращает на себя особое внимание своим размером (диаметр тулова в два-три раза превышает диаметр подавляющего большинства аттических сосудов этой формы). Сосуд отличается также и тщательной разработкой рельефных деталей верхней части, и росписью высокого качества. Ближайшие аналогии для нимфейского аска – сосуды из раскопок Пантикапея и Аполлонии Понтийской, которые датируются в пределах последней четверти V в. до н. э. Сравнительное стилистическое исследование росписи на аске показывает, что это могло быть изделие так называемой Мастерской Мастера Йены, вещественные остатки которой были обнаружены в Афинах в XIX в. Кроме того, изделие этой мастерской было найдено при раскопках гробницы, отождествленной с гробницей спартанцев, павших в афинской междоусобице 404/403 гг. до н. э. Иными словами, Мастерская Мастера Йены работала уже в конце V в. до н. э., и нимфейский аск можно датировать в этих пределах.

Дальнейшее сопоставление росписи на нимфейском аске и на ряде блюд Группы Европы убеждает, что и они, очевидно, – продукция одной гончарной мастерской. Рыбное блюдо – это форма, ранее не зафиксированная для Мастерской Мастера Йены; она дополняет ассортимент, уже включающий плоское блюдо, лекану, пелику, гидрино, арибаллический лекиф, скифос и килки разных форм. Совместная находка двух ваз из Нимфея позволяет уточнить датировку этих блюд и отнести их к концу V в. до н. э.

В. В. Вахонеев, С. А. Соловьев (*Санкт-Петербург*)

Культурные напластования античного городища Акра: хронология, сохранность, особенности изучения

Городище Акра представляет собой два существенно отличающихся друг от друга участка исследований. Первый – подводный. На него приходится примерно 70 % территории памятника, которая, по счастливой случайности, не была полностью уничтожена прибойными волнами пролива. В IV в. до н. э. небольшой низкий мыс, на котором основано поселение, был отгорожен оборонительной стеной. Она послужила своеобразной защитой, сохранив от размыва примыкающие к ней культурные напластования. Еще одно важное замечание относительно затопленной части городища связано с тем, что все отложения культурного слоя и строительные остатки под водой датируются исключительно эллинистическим периодом. Слои, которые сформировались на Акре в римское время, оказавшись в затопленной части, были полностью уничтожены.

Основание города на очень низком, глубоко вдающемся в море мысу крайне негативно повлияло на всю последующую историю города. Акра была основана в период фанаторийской регрессии, когда уровень моря был ниже, а сам мыс, соответственно, выше. Впоследствии, после окончания регрессии, прибрежные участки города стали регулярно подтапливаться и заболачиваться.

Под некоторыми участками эллинистической застройки были выявлены достаточно мощные стерильные песчаные подсыпки. Они могли быть специально устроены для отвода грунтовых вод. Не случайно, что все выявленные под водой хозяйственные ямы имели каменные обкладки с глиняными обмазками. В основании башни были обнаружены деревянные клетки, сложенные из продольных и поперечных балок. Одной из причин устройства такого фундамента мог стать высокий уровень грунтовых или морских вод, подступавших к древней дневной поверхности во время строительства башни. Культурные слои сохранились только на участках, вплотную прилегавших к оборонительной стене. Чем дальше от стены, тем сохранность слоя ухудшается.

Общая же длина оборонительной стены Акры могла достигать 250 м. Начинается она на удалении около 100 м от современного уреза воды на глубине 3,60 м. Очевидно, что в древности оборонительная стена начиналась непосредственно в море, где заходящий в воду участок был сложен из больших блоков, и далее шла в северо-западном направлении уже по суше, прикрывая невысокий мыс с расположившимся на нем поселением. Стена была воздвигнута в первой половине IV в. до н. э. В последней четверти IV – первой половине III в. до н. э. она была частично перестроена. Оборонительная стена перестала использоваться по прямому назначению не позднее III – начала II в. до н. э. Раскопки прибрежного участка «Береговой» в 2016 г., а также разведывательные шурфы 1985 г. показали, что стена перекрыта строительными остатками I–III вв.

Городская планировка Акры эллинистического времени включала жилые дома типичной планировочной схемы, сблокированные в кварталы. Площадь самого города составляла примерно 3,5 га. На сегодняшний день под водой зафиксированы остатки как минимум шести строительных комплексов. Слон же римского времени сохранились только на наземной части памятника – это примерно 4,5 тыс. м².

М. Ю. Вахтина¹, С. А. Соловьев² (*Санкт-Петербург*)

Еще раз о хозяйственном укладе Порфмия в эллинистическое время

Античный город Порфмий, один из «малых» городов Европейского Боспора, расположенный на восточной оконечности Керченского полуострова, исследовался в течение достаточно длительного времени Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН. Особенно хорошо изучен так называемый новый город – небольшое укрепленное поселение, возведенное по единому плану во второй половине III в. до н. э. на месте более древних строений. Материалы, обнаруженные во время раскопок, свидетельствуют, что жители города в эллинистическое время занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Примечательной чертой экономического облика города этой эпохи является почти полное отсутствие следов производства (Вахтина 2010. С. 65–68). Так, например, за все годы раскопок здесь были

¹ М. Ю. Вахтина вела исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² С. А. Соловьев вел исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0011 «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0020).

найлены лишь два фрагмента небольших тарапанов, свидетельствующих скорее о домашнем, частном виноделии. Между тем археологические материалы позволяют прийти к заключению об относительно высоком уровне жизни жителей Порфмия, а многочисленные монетные находки дают возможность предполагать наличие оживленной торговли.

Своеобразие хозяйственного уклада эллинистического Порфмия еще более очевидно при сравнении его материального комплекса с комплексами близлежащих греческих центров. Ближайшим расположенным западнее Порфмия укрепленным античным поселением является Парфений; расстояние между ними составляет примерно 3,5 км. Спасательные раскопки, проведенные здесь в 2020 г., позволили выявить два производственных комплекса эллинистического времени – винодельню и керамическую мастерскую. Эти открытия значительно расширяют наши представления об экономическом облике Парфения. Ничего подобного для Порфмия не известно. Еще Е. Г. Кастанаян, вслед за В. Ф. Гайдукевичем, высказала предположение, что в III–I вв. до н. э. Порфмий представлял собой клерухию, то есть военное поселение. На наш взгляд, такая трактовка наиболее правдоподобна и лучше всего объясняет своеобразие экономического облика древнего города.

Ю. А. Виноградов (*Санкт-Петербург*)

Н. П. Кондаков и изучение некрополя Нимфея

В 2024 г. научный мир нашей страны отмечает 180-летие со дня рождения Н. П. Кондакова – выдающегося ученого, археолога, создателя школы в изучении византийского и древнерусского искусства. Немалый интерес представляет также его вклад в античную археологию нашей страны, которая в то время была теснейшим образом связана с историей искусств, по существу была ее частью.

В марте 1876 г. Н. П. Кондаков получил предложение стать сотрудником Императорской археологической комиссии (ИАК), и оно было охотно принято. Первое поручение от ИАК не заставило себя долго ждать – провести раскопки курганов, расположенных рядом с Нимфеем. В 1876 г. исследование этих курганов проводил директор Керченского музея А. Е. Люценко, но и Н. П. Кондакову там нашлось место. Следует обратить внимание, что он снял план окрестностей Нимфея с находящимися на них курганами и т. д. Этот план, конечно, имеет очень большое научное значение, хотя о результатах его раскопок современные археологи отзываются весьма сдержанно.

Н. П. Кондаков провел работы в трех частях некрополя: 1) к юго-западу от озера Чурубаш; 2) к западу от озера; 3) на валообразных насыпях, расположенных близ моря. На первом участке он раскопал четыре большие насыпи. В двух из них (№ 1 и 3) были обнаружены погребения, содержавшие

скорченные окрашенные костяки. Один курган (№ 2) содержал земляную гробницу с погребением, в котором находились три остродонные амфоры с бронзовым киафом, широкий меч, бронзовые и железные наконечники стрел, железные наконечники копий и т. д. Весьма любопытен курган № 4, в центре которого под каменным завалом была обнаружена гробница, содержащая три костяка взрослых людей и один детский. Костяки лежали на слое морской травы, в головы им были положены травяные подушки. В могиле были найдены лук и тростниковые стрелы. Исследователь посчитал, что все эти погребения принадлежат скифским кочевникам, но с ним можно согласиться лишь в одном случае – таковым могло быть лишь погребение воина из кургана № 2.

К западу от озера Чурубаш Н. П. Кондаков предпринял раскопки курганов, имевших небольшие размеры. Почти все они либо были ограблены, либо не содержали находок. Череп погребенного в одной из гробниц был покрыт зеленью. Исследователь предположил, что это произошло под воздействием окислов исчезнувшего бронзового шлема. Особое внимание археолога привлек большой курган, носивший название «Иван Бий». В его центре была открыта каменная гробница, в которой находились два скорченных окрашенных костяка. Раскопки валообразных насыпей, расположенных около моря, порой параллельно друг другу, открыли, по словам исследователя, «сплошное народное кладбище».

С современной точки зрения, раскопки Н. П. Кондакова были весьма масштабными и дали важные результаты. Вполне возможно, что он был первым археологом, открывшим на Керченском полуострове погребения бронзового века. Такие результаты, однако, не могли удовлетворить исследователя, и Н. П. Кондаков признал их неудачными. Это не удивительно – произведений античного прикладного искусства ему найти не удалось.

Т. В. Егорова, Д. В. Журавлев (*Москва*)

Медальоны на «каленских чашах» с памятников Европейского Боспора

Так называемые «каленские чаши», получившие название по одному из городов в Кампании, представляли собой преимущественно полусферические или параболические сосуды разных типов, украшенные в центральной части дна рельефными медальонами, оттиснутыми в форме. Появившись в IV в. до н. э., наиболее популярными они становятся в III и II столетиях. Бюсты или сюжетные изображения делались чаще в высоком, но иногда (преимущественно в случаях с полнофигурными оттисками) – в низком рельефе. Подобные медальоны размещались не только на чашах, но и в центре круг-

лого поля на крышках пиксид, верхних площадках асков, сосудах типа *Calyx cup*, а также фиал, где они заменяли собой центральный умбон.

Их производили как в Кампании, так и в других частях античного мира. В настоящее время рассматриваются гипотезы о существовании на территории Апеннинского полуострова мастерских со сходной продукцией еще как минимум в Апулии и Этрурии, которые, по всей видимости, были первичны по отношению к каленским. Помимо Италии, в эллинистическую эпоху близкие по стилю и технике изготовления сосуды производили в Аттике, Беотии, Коринфе, Эретрии и городах Малой Азии. В Македонии и Фессалии наряду с чашами особенно популярными стали керамические пиксиды с рельефными бюстами на крышках. Большое количество чаш с центральными медальонами происходит из Александрии, что позволило исследователям высказать предположение о египетском происхождении формы и декора, а также выявить египетское влияние в ранних аттических сосудах.

Чаще всего эти изделия покрывались лаком черного, бурого или различных оттенков красного цвета и, наряду с центральными медальонами, украшались росписью в стиле *West Slope*. Изображения в медальонах связывают с металлическими (серебряными и бронзовыми) прототипами, предполагая в ряде случаев не только преемственность, но и их полное копирование. В последнее время некоторые авторы оспаривают эту гипотезу, отмечая низкую вероятность того, что они были непосредственно скопированы с металлических ваз, поскольку ни один из известных металлических рельефов, по крайней мере происходящих с территории Южной Италии, не находит своего точного аналога в глине.

Выделяют два основных типа изображений на медальонах. Во-первых, это головы или бюсты, размещавшиеся фронтально или в $\frac{3}{4}$; во-вторых, более или менее сложные композиции из полных фигур.

На территории Европейского Боспора находок медальонов немного, но они зафиксированы в Пантикапее, Нимфее, Китее и др. Наиболее популярными здесь были персонажи, связанные с дионисийскими сюжетами: бюсты самого Диониса, Силенов, молодых сатиров или Пана. К ним же, очевидно, относятся фигурки Эротов, а также целующиеся пары, которые часто интерпретируются как Дионис и Ариадна. Кроме того, это разнообразные женские изображения, в том числе богинь Афродиты и Афины.

Из истории археологического изучения Нимфея в довоенный период (1938–1941)

Вопрос о необходимости охраны и археологического изучения Нимфея поднимался с 1923 г., однако только в 1933 г. было принято обязательное постановление Керченского городского совета депутатов «Об охране памятников старины», решением которого к числу археологических заповедников были отнесены Пантикапей, Тиритака, Мирмекий, Нимфей, Акра, Парфений, Порфмий, Китей и Киммерик (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 248. Л. 29).

В 1938 г. были проведены разведочные работы на территории Нимфея, что было связано с промышленной разработкой предприятием Керчводстрой выходов известняка вдоль северной и юго-восточной оконечности нижней террасы городища. Раскопы были заложены в местах добычи камня, и в образовавшемся котловане у берега моря была зафиксирована полуразрушенная гончарная печь эллинистического времени. Слой печи был насыщен большим количеством краснолаковой керамики и лепной посуды. На том же участке в слое классического времени отмечалось большое количество терракот V–IV вв. до н. э. Самой же выдающейся находкой стал терракотовый барельеф с танцующей менадой (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1-1938. Д. 24. Л. 2). Руководству Боспорской экспедиции в лице В. Ф. Гайдукевича удалось добиться отмены поиска и добычи известняка на территории памятника.

В 1939 г. открытый лист на раскопки Нимфея был выдан на имя Марка Матвеевича Худяка, научного сотрудника Государственного Эрмитажа, что вызвало разногласия между руководством Эрмитажа, Керченским археологическим музеем и ИИМК АН СССР, которые удалось урегулировать довольно сложным путем. В итоге работы на территории памятника проводились с 1 июня по 15 июля 1939 г. силами научных сотрудников Отдела истории культуры и искусства античного мира Эрмитажа в составе В. Я. Якубенко, М. М. Худяка, П. Ф. Силантьевой и В. М. Скудновой. Исследования были начаты в юго-восточной части городища, где были заложены раскопы В, С и D. На месте открытой в 1938 г. печи располагался раскоп А (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1-1939. Д. 153. Л. 11). В ходе работ открыта оборонительная стена Нимфея IV в. до н. э., сооруженная на разрушенных строениях V в. до н. э., что стало важным фактором в уточнении истории образования Боспорского царства времени присоединения к Пантикапею при ранних правителях династии Спартокидов. На нижней террасе Нимфея было открыто святилище Деметры, уточнена дата основания города и стратиграфия городских слоев от современной дневной поверхности до материка.

Работы 1940 г. ставили своей целью объединение открытых комплексов в юго-восточной части городища и продолжение исследований на территории открытого святилища Деметры (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1-1940. Д. 110). В 1941 г. под руководством М. М. Худяка экспедиция в составе П. Ф. Силантьевой, В. М. Скудновой и А. Лебовича с 3 мая по 2 июля продолжила раскопки в юго-восточной части городища и на его нижней террасе (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1-1939. Д. 153. Л. 68). На участке со святилищем был открыт комплекс относящихся к нему памятников: алтарь, жертвенник, оградительная стена и фрагменты крыши здания святилища – обломок карниза с овами. Было также открыто продолжение оборонительной стены и зафиксирован большой жилой комплекс римского времени. Завершение работ Нимфейской экспедиции проводилось уже в дни начавшейся Великой Отечественной войны, и камеральная обработка коллекций была завершена только в 1946 г.

В. Ю. Зуев (*Санкт-Петербург*)

Мечи и кинжалы типа Солоха в Скифии и на Боспоре

Критически рассматривая античную литературную традицию о Северном Причерноморье, М. И. Ростовцев заметил, что все попытки локализовать этносы, упомянутые Геродотом, и связать их с памятниками археологии являются лишь погоней за бестелесными фантомами. И все же археологи упорно продолжают время от времени сопоставлять археологические реалии с историческим контекстом, намеченным древней литературной традицией.

В конце сороковых годов прошлого века Б. Н. Граков предложил новую трактовку некоторых скифских мечей с рукоятями в золотом окладе, навершия которых он посчитал оформленными в виде пары когтистых птичьих лап; в их основании изображены круглые глаза фантастических птиц (грифов). Идею Б. Н. Гракова активно поддержали его ученики. Один из его сторонников, Е. К. Максимов, увидел в новой трактовке торжество советской скифологии над реакционными взглядами представителей старой археологии, считавших, что в навершиях таких клинков следует видеть изображения голов хищных птиц. Понятие «мечи и кинжалы с когтевидными навершиями» было введено как самостоятельный термин в скифское оружиеведение. А. И. Мелюкова определила подобные клинки как группу 2 подотдела II отдела общей классификации скифского клинкового оружия. Недавно Д. А. Топал предложил заменить этот громоздкий термин эпонимным понятием «мечи и кинжалы типа Солоха», которое вошло в современное оружиеведение.

Следует отметить, что не все скифологи приняли термин «мечи и кинжалы с когтевидным навершием». А. П. Манцевич категорически придерживалась трактовки подобных клинков как увенчанных стилизованными

головами хищных птиц. Постепенно острота противопоставления трактовок дореволюционных и советских археологов перестала быть актуальной, и современные исследователи пользуются двумя образами, выбирая их по своему вкусу. Думаю, что абстракция, придуманная Б. Н. Граковым, не выдерживает критики. Б. Н. Граков и его последователи ссылались на изображение когтей птиц в декоре уздечек. Но следует отметить, что этот декоративный элемент есть только на бляшках скифской конской узды. Да и абстракция, состоящая из крючковатой когтистой лапы с круглым глазом в пятке, как знак меткости и разительного удара – это очень сложный символизм для реалистичного скифского искусства. Хотя к IV в. до н. э. в нем присутствует тенденция к абстрактности, выраженная формулой *pars pro toto*, но у традиционного декоративного искусства существуют свои закономерности абстрагирования как образной системы, и усиление птичьих лап глазами в пятках скифское искусство не знает.

Находки подобного оружия за пределами территории Скифии, на западе и на востоке (напомню, что восточной границей Скифии Б. Н. Граков считал Танаис), трактовались как дипломатические дары, или шире – след военно-политического влияния скифов на своих соседей. В этом отношении единственная находка в Крыму клинка типа Солоха в кургане Куль-Оба трактовалась как скифский элемент в погребении царя, захороненного в столице Боспорского царства. Такими же дарами объяснялись и многочисленные находки клинков типа Солоха в Елизаветовском могильнике на Дону.

Сейчас, благодаря исследованиям Д. А. Топала, общая картина находок клинков типа Солоха значительно изменилась по сравнению со временами Б. Н. Гракова. Их число к востоку от Дона превышает количество всех таких находок в Северном Причерноморье. Обилие этих клинков на Южном Урале и в Среднем Поволжье невольно заставляет вспомнить сообщение Геродота о существовании на северо-востоке от Скифии земель, где обитают скифы, отделившиеся от царских; об их судьбе в науке идут давние споры. Контаминация этого известия Геродота с таким ярким элементом воинской культуры как мечи и кинжалы с орнитоморфными навершиями, характерными для парадных облачений царей скифов и их воинской элиты V–IV вв. до н. э., является новой гипотезой устройства скифского мира, окружавшего Боспорское царство на берегах Меотиды и Понта.

Хиосская керамика из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа

Важным источником о раннем периоде греческих колоний в Северном Причерноморье являются вещественные материалы. Опираясь на них, можно решить вопросы о времени основания, культурных контактах, торговых связях. Среди различных групп находок наиболее значимой и информативной является расписная восточно-греческая керамика. За время исследования Нимфея был получен интересный по составу комплекс архаической хиосской расписной керамики.

В фондах Государственного Эрмитажа хранится около 30 фрагментов расписных сосудов – это кубки, канфары, кувшинчики, тарелка, пиксида и чашечка. Весь материал сильно фрагментирован, но, тем не менее, позволяет определить и реконструировать форму. Самой популярной и характерной формой для сосудов, изготовленных на Хиосе, были кубки. Они существовали длительное время и известны в большом количестве. Классификация их форм и стиля росписи детально разработана, что позволяет выделить фрагменты пяти сосудов самой поздней группы, датируемой второй-третьей четвертью VI в. до н. э. К этому же времени относятся кубки, расписанные в чернофигурном стиле «львы и сфинксы», которые представлены одним небольшим фрагментом.

Самая многочисленная группа хиосской керамики (15 экземпляров) – канфары на плоском дне, с росписью в виде поясков. Эти простые по декору сосуды изготавливались уже во второй половине VI в. до н. э. Отметим фрагменты украшенных поясками кувшинчиков (пять экземпляров), которые были массовой продукцией в последней трети VI в. до н. э. К редким формам можно отнести фрагменты тарелочки, чашечки и крышки пиксиды, которые датируются второй половиной VI в. до н. э.

Хиосская керамика из раскопок Нимфея, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, в основном представлена поздними образцами второй половины VI в. до н. э. Самые ранние экземпляры немногочисленны и могут датироваться временем не ранее 560-х гг. до н. э. Таким образом, можно уверенно полагать, что контакты Нимфея с Хиосом достигли своего расцвета только во второй половине VI в. до н. э. Это особенно четко отражают находки хиосской амфорной тары.

Мясной рацион античных обитателей восточного Крыма. Иной подход и новые результаты

В докладе предпринята попытка пересмотра данных о составе стада домашних копытных на основе остеологических данных, полученных в результате археологических раскопок городищ Нимфей, Мирмекий и Тиритгака. При проведении палеоэкономических реконструкций исследователь обычно ориентируется на процентный состав остеологической коллекции, логично предполагая, что чем больше костей определенного вида домашних животных встречено в материале, тем выше было его поголовье в древнем стаде и тем большую долю его мясо составляло в рационе обитателей поселения.

Однако существует мнение, что принцип, согласно которому степень многочисленности тех или иных животных в стаде оценивается по числу их ископаемых остатков, имеет ряд недостатков, поскольку забой животных происходит с разной частотой. Кого-то режут каждый год, кого-то раз в полтора года, кого-то еще реже, а кого-то вообще эпизодически. Так, свиней режут, как правило, каждый год, а коров обычно один раз в четыре года. Таким образом, если в стаде десять коров и пять свиней, то, раскапывая слои, сформировавшиеся за десять лет, исследователь обнаружит остатки 50 свиней и только около 20 коров. После чего последует вывод, что свинья в стаде безоговорочно доминировала, в то время как в реальности ситуация была обратная.

Чтобы исправить такую ошибку, Ю. А. Красновым еще в 1971 году была предложена система коэффициентов, на которые следует умножать количество остатков животного в изучаемой костной коллекции, чтобы понять реальную долю этого домашнего вида в древнем стаде.

С другой стороны, доля костей каждого вида в костной коллекции с поселения позволяет судить о количестве его мяса в рационе обитателей. Однако при этом не следует забывать о том, что домашние животные имеют разную величину и соответственно дают на выходе разное количество мяса. Действительно: например, плечевая кость коровы и плечевая кость овцы, обнаруженные в археологическом слое, будут учтены специалистом как одна единица для каждого вида. Однако ясно, что плечевая кость коровы дает гораздо больше мяса, чем аналогичная часть туши мелкого рогатого скота. То есть правильное понимание структуры мясного рациона древнего населения возможно только с учетом веса туши каждого вида, который употреблялся в пищу. Для того чтобы правильно оценивать долю мяса того или иного животного в рационе древних обитателей, процент его остатков должен умножаться на определенный коэффициент, зависящий от выхода мяса с туши этого вида. Этот подход разработан Е. Е. Антипиной в 2005 г.

В докладе предпринимается попытка, объединив эти два метода, по-новому оценить как состав древнего стада, так и роль каждого вида домашнего копытного в мясном рационе населения. Полученные результаты заметно меняют наше представление о типах скотоводческого хозяйства и питании жителей трех поселений в период с VI по I в. до н. э. и в римское время.

С. Б. Ланцов, В. В. Майко (*Симферополь*)

Поселения I–IV вв. н. э. в окрестностях Судака. К вопросу о западной границе Боспорского царства

Для определения западной границы Боспорского царства в период последних веков его существования немаловажное значение имеют археологические раскопки крепости Кутлак, которые неоднократно анализировались в литературе (Ланцов 1999. С. 12–136; Lantsov 2001. P. 123–149), но все еще ожидают обобщения в монографическом исследовании. Необходимо и продолжение целенаправленных исследований Узунларского вала (см.: Ланцов, Голенко. 1999. С. 177–181) и других археологических объектов античного времени около Феодосии, Старого Крыма, Белогорска, Судака. На современном этапе особенно важно проведение сплошных археологических разведок на юго-востоке Крыма. В этой связи необходимо упомянуть факт недавнего обнаружения в архиве Института археологии Крыма РАН рукописи М. А. Фронджуло под названием «Новые античные памятники в районе Судака», которую, судя по ссылкам, можно датировать началом 1970-х гг. Эта рукопись не была опубликована и учтена в процессе подготовки обобщающего издания археологических памятников Судакского региона полуострова и представляет несомненный интерес.

В рукописи автор на основании хорошо известного клада Боспорских монет второй половины III в. н. э. у подножия горы Святого Георгия, амфорного материала рубежа эр, найденного в Судакской бухте, и четырех новых открытых им поселений пытался обосновать мысль о том, что западная граница Боспорского царства проходила именно в районе Судака. В качестве одного из источников упоминалось поселение на склонах горы Соколенок, ныне достаточно хорошо раскопанное и опубликованное (Джанов 2012. С. 71–80). Время его возникновения, согласно многочисленному археологическому материалу, приходится на первую половину III в., а время гибели датируется в пределах середины V в.

Три других поселения были отмечены у с. Солнечная Долина в долине р. Козы. Одно из них располагалось к западу от горы Орел, на южном склоне отдельной возвышенности, второе – недалеко от него, через балку. Автор, в отличие от опубликованной краткой информации (Фронджуло 1972. С. 384), анализирует полученный в ходе разведок подъемный материал и датирует

его I в. до н. э. – первой половиной III в. н. э. Внимания заслуживает его замечание о том, что второе поселение возникает еще раньше первого. На основании концентрации находок было высказано предположение и о месторасположении на противоположном склоне горы сельскохозяйственных угодий этих двух поселений.

Третье поселение по скоплению подъемного материала II–III вв. н. э. было зафиксировано к северу от пос. Солнечная Долина у подножия и на юго-восточных склонах скалы Деликли-Кая на месте строительства складов винзавода. К сожалению, без учета этих разведочных охранных работ археологический объект рассматривался только как средневековое поселение с укреплением (Майко, Джанов 2015. С. 131).

Важно и упоминание исследователем поселения на склонах горы Таракташ, открытого им в ходе разведок 1971 г. и названного Каменка-I, а ныне раскопанного широкой площадью археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Б. Щукина и О. В. Шарова. М. А. Фронджуло уже тогда говорил о наличии нескольких связанных между собой горных поселений, образывавших большую протоурбанистическую структуру.

Привлекая архивные источники, мы можем, несмотря на существующее предположение, основанное на археологических комплексах поселения Белинское (Зубарев 2011. С. 244–247), вновь вернуться к вопросу о западной границе Боспора, как на рубеже эр, так и в IV – первой половине V в. н. э.

К. В. Марков (*Нижний Новгород*)

Юго-западный раскоп участка «М» городища Нимфей (итоги исследований 2004–2011 гг.)

В 2004 г. на участке «М» городища Нимфей с целью выявления размеров оборонительной башни, открытой в 2003 г. и частично уходящей в западный борт южного раскопа, был заложен новый юго-западный раскоп. В 2004–2006 гг. исследования велись на площади 150 м². В 2007 и 2010 гг. осуществлены прирезки по северному борту раскопа, и в 2011 г. общая площадь ЮЗ участка составила 210 м².

В ходе раскопок был выявлен уровень материка и расчищен расположенный вдоль восточной границы раскопа выход скального массива, к которому примыкала оборонительная башня. Удалось выявить ее западную границу, которая прослеживается в виде подтески скалы и материковой глины.

В качестве особенностей данного участка можно отметить сравнительно небольшую толщину культурного слоя (менее 1,5 м) и наличие строительных остатков, относящихся к разным хронологическим периодам. В частности, были обнаружены фрагменты кладок стен (№ 207–211) и вымостки, которые датируются первыми веками. К выявленным на участке объектам относятся

также два котлована и 37 хозяйственных ям. Большинство из них датируются I–II вв. н. э., но в некоторых ямах обнаружен материал эллинистического времени или исключительно V–IV вв. до н. э.

Основную массу находок как в слое, так и в ямах составляют фрагменты амфор фасосского, хиосского (с колпачковыми ножками), гераклейского, синопского и боспорского производства, фрагменты чернолаковых изделий аттического производства, буролаковой и краснолаковой посуды, красноглиняной, сероглиняной и лепной керамики. Присутствуют также немногочисленные фрагменты терракотовых статуэток, пирамидальные ткацкие грузила, фрагменты изделий из стекла, железа и бронзы, монеты, кости животных, зерновки и семена культурных растений. Среди наиболее интересных находок следует особо отметить обнаруженный в устье ямы № 16 фрагмент известняковой стелы с изображением всадника и женщины и плохо читаемой двустрочной надписью. Отдельного внимания заслуживает также комплекс архитектурных деталей, найденных в яме № 25. Всего в этой яме найдено более 30 фрагментов разной степени сохранности, часть из которых представляет собой набор элементов оформления фронтона небольшого сооружения. Наибольший интерес вызывают две плиты ионического фриза с рельефным растительным орнаментом, которые датируются второй половиной IV в. до н. э.

А. Е. Петракова (*Санкт-Петербург*)

Аттические фигурные сосуды V в. до н. э. из раскопок Нимфея

К настоящему моменту аттические вазы VI–IV вв. до н. э. из раскопок Нимфея опубликованы лишь выборочно. В первую очередь речь идет о целых формах из некрополя или же об отдельных фрагментах из находок на территории городища, описанных в контексте публикации материалов раскопок того или иного сезона. Планомерное обращение к исследованию ранее не вводившихся в научный оборот фрагментов аттической керамики из Нимфея в последние годы позволило выявить присутствие среди них редких и крайне интересных разновидностей, вроде психтеров (Букина 2022) или фиал различных форм, украшенных при помощи сложных техник декора, не получивших широкого распространения (Петракова 2023).

Этот доклад посвящен достаточно компактной группе аттических vaz – фигурным сосудам той разновидности, которую аттические гончары изготавливали в VI–IV вв. до н. э. с применением формы. Среди них выделяют ойнохон, канфары, арибаллы, лекифы, ритоны (принадлежность к той или иной форме определяется характером венчика, горла и ручек, которые остаются тех же типов, как и у vaz с аналогичными названиями, но изготовленных при помощи

гончарного круга). Основы классификации этих изделий заложены в статьях Э. Бушора (*Das Krokodil des Sotades* 1919) и Дж. Бизли (*Charinos* 1929), различных работах Х. Хоффмана 1960–1980-х гг. В более поздних публикациях были сделаны разнообразные дополнения и уточнения. Особенно ценными являются последние выпуски *Corpus Vasorum Antiquorum* с подробными технико-технологическими исследованиями и виртуальными реконструкциями форм. Все вместе означенные публикации создают базу данных, вполне достаточную для работы с фрагментированной керамикой из археологических раскопок.

Хотя все предметы из Нимфея, о которых идет речь в докладе, являются лишь небольшими фрагментами фигурных сосудов, наличие весьма близких аналогий среди хорошо сохранившихся ваз в различных мировых собраниях позволяет сделать вполне убедительные реконструкции предполагаемого внешнего облика нимфейских находок, а также рассуждать о датировке и атрибуции. Помимо изделий, относящихся к хорошо известным типам, вроде ойнохой в форме женской головы или двухголовых канфаров, в материалах Нимфея фиксируются редчайшие экземпляры с буквально единичными аналогиями, вроде фигурного сосуда, горло которого декорировано в технике Сикса – исключительный случай для фигурных сосудов в принципе.

Фрагменты, которым посвящен доклад, найдены на разных участках при раскопках городища, а также святилища Деметры. За исключением одного, упомянутого М. М. Худяком в работе 1962 г., и трех, опубликованных в статье К. С. Горбуновой «Аттические вазы в форме человеческих голов в собрании Эрмитажа» того же года, эти фрагменты ранее не публиковались.

А. Е. Терешенко (*Санкт-Петербург*)

Монеты из «святилища Деметры» (раскопки 1939 г.)

В 1939 г. на нижней террасе городища Нимфей был заложен раскоп А. Результатом проведенных работ стало открытие комплекса разновременных построек. На основе полученного археологического материала возглавлявший раскопки Марк Матвеевич Худяк сделал вывод о существовании на этом месте святилища (в дальнейшем получившего название «святилище Деметры»), функционировавшего с середины VI по III в. до н. э. (Худяк 1952. С. 241). Однако Д. Е. Чистов в своей докторской диссертации подверг сомнению это заключение и вполне обоснованно предположил, что изначальной постройкой в действительности была гончарная мастерская. Четко выраженную культовую функцию сооружения на этом участке приобретают, по-видимому, в классическое и раннеэллинистическое время (Чистов 2022. С. 205–207).

К сожалению, одна группа археологического материала почему-то оказалась вне сколь-либо серьезного внимания исследователей. Речь идет о нумизматической составляющей. Нельзя сказать, что она была полностью про-

игнорирована – в 1974 г. вышла статья К. В. Голенко о монетах из раскопок Нимфея (Голенко 1974. С. 75–91). Вместе с тем в данной статье монеты из святилища никак не обозначены, поэтому их невозможно вычлениить из общей массы. Задача предлагаемой заметки – исправить сложившуюся ситуацию.

Итак, при работах 1939 г. на раскопе А было обнаружено 35 бронзовых монет пантикапейской чеканки, одну из которых невозможно определить. Для сравнительно небольшого участка (ок. 1400 м²) это весьма серьезное количество. Конечно, если бы раскопки происходили с применением современных технических средств, то число находок, несомненно, было бы намного больше. Тем не менее общий исторический «срез» может быть воспроизведен и на имеющемся материале.

Самыми ранними являются монеты типа «голова безбородого сатира вправо / лук, тетивой вверх, сверху ПАН», время их чеканки приходится на сороковые годы IV в. до н. э. (Гершенко 2013. С. 118). Самая поздняя – статер Радамсада (309–310 гг.). Сразу замечу, что данный экземпляр во всех смыслах является случайной находкой и не имеет ни малейшего отношения к бытованию святилища. Две монеты относятся ко II в. до н. э., причем одна датируется первой половиной этого столетия, а вторая – самым его концом. Минимальное количество и большой временной разброс позволяют считать появление данных экземпляров на участке святилища случайным. Основной же массив находок состоит из монет второй половины IV – III в. до н. э. (31 экз.). Наибольшее количество представлено монетами «голова безбородого сатира влево / лук, стрела, ПАН» так называемого деградированного типа.

В целом можно предполагать, что в период функционирования святилища на его территории осуществлялись какие-то товарно-денежные операции, которые, судя по находкам, приобретают особую активность с середины IV в. до н. э. и продолжаются до самого конца III в. до н. э.

В. П. Толстикова (Москва)

Храм Аполлона в ранней истории Пантикапея

Многолетние раскопки Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина фиксируют разрушения и локальные пожары как на Западном плато, так и в пределах Верхнего плато Первого кресла Митридата. Они приходится на фазу 3 Четвертого строительного периода и позволяют сделать вывод, что около 480 г. до н. э. Пантикапей подвергся нападению царских скифов. Оборонительные меры защитников оказались недостаточны, и, судя по всему, скифы проникли на обороняемую территорию акрополя и тем не менее на Верхнем плато. Располагавшиеся здесь алтари и святилища с хранящимися в них с третьей четверти VI в. до н. э. вотивами и посвящениями богам были повреждены, в результате чего образовался мощный слой сброса,

содержащий посвященные граффити, фрагменты терракот и вотивных рельефных пинак, а также и мраморный трехсекционный храмовый светильник. Показательно, что именно с этими обстоятельствами, по-видимому, связано и впервые зафиксированное присутствие в слоях первой половины V в. до н. э. на территории акрополя Пантикапея предметов, декорированных в скифском зверином стиле. Храм Аполлона к этому моменту мог быть уже сооружен. В любом случае, и эта главная святыня Пантикапейского полиса, а может быть и всего эллинского Боспора, не избежала печальной участи.

480/479 г. до н. э., на которые приходится *Пятый строительный период*, знаменуются приходом к власти Археанактидов или некоей авторитарной группы лиц, возглавившей повторно основанный ими полис. Процесс этот, скорее всего, совпал с началом периода так называемого «протектората» царских скифов. *Фазу 1* этого строительного периода характеризуют фиксируемые археологически признаки разрушений и стагнации в области градостроения, характеризующейся, в том числе, возвратом части населения к использованию примитивных, заглубленных в грунт временных построек.

При этом говорить об общем экономическом упадке Пантикапея нет оснований. Именно в эти годы, после небольшой паузы, возобновляются выпуски полноценного пантикапейского серебра, причем более высокого художественного уровня и в новой, так называемой персидской, весовой системе (тип VI по классификации Н. А. Фроловой). Отсутствуют также и признаки нарушения торгово-экономических связей Пантикапея с Афинами и Эгеидой. Можно предположить, что около середины V столетия значительное количество ресурсов полиса было направлено на возрождение главной святыни – храма Аполлона. Возможно, именно в этом следует искать одну из причин временной стагнации городской застройки в центральном районе Пантикапея.

В предполагаемом случае восстановления и частичной реконструкции храма Аполлона, учитывая объем материальных затрат, необходимых для осуществления этой строительной акции, вполне могло быть принято решение о максимальном использовании сохранившихся и пригодных элементов здания в целях экономии средств. Детали антаблемента и капители, которые могли наиболее сильно пострадать при разрушении храма, были заменены на новые, отражавшие достижения, прежде всего, аттической ордерной архитектуры, современные периоду реконструкции. Не исключено, что некоторые изменения мог претерпеть и план периптера. Именно к этому времени следует отнести и появление первых серий пантикапейского серебра с легендой *ΑΠΟΛ*, служивших, в первую очередь, для оплаты расходов в рамках этой восстановительной акции.

Учитывая традиционные экономические, культурные и религиозные связи Пантикапея с Афинами, а также тот статус и роль, которые после успешного отражения персидского вторжения приобрел этот полис, возглавивший в 478/477 г. до н. э. Делосский морской союз, можно предположить,

что для участия в реконструкции храма Аполлона мог быть приглашен аттический архитектор. Под его руководством пантикапейскими мастерами-каменщиками из местного материала могли быть выполнены необходимые детали и, прежде всего, капители нового типа. В результате обновленный периптер, оставаясь в прежних размерах и с сохранением прежних самосских баз колоннады, получил несколько видоизмененный, облегченный и более нарядный антаблемент, опирающийся на аттические капители.

В 1984 г. Ю. Г. Виноградов, исследуя вопрос о времени начала чеканки и причинах появления монет с легендой *ΑΠΟΛ*, предложил считать эти серии серебра эмиссией конфедерации боспорских полисов, объединившихся перед угрозой скифской экспансии в союз типа симмахии и амфиктионии под эгидой верховного божества боспорских эллинов Аполлона Врача. Соответственно, сооружение храма на акрополе Пантикапея, по мнению автора гипотезы, пришлось на вторую четверть V в. до н. э. Совокупность приведенных выше данных заставляет нас сегодня, по моему мнению, отказаться от этой гипотезы.

Т. В. Умрихина, Н. А. Кучеревская (*Керчь*)

Архитектура Нимфея в контексте выставочной работы Музея каменных древностей

В Музее каменных древностей – Лапидарии Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника создана музейная экспозиция «Архитектура античного Боспора» с применением 3D-технологий¹. Для экспонирования отобраны 40 памятников, наиболее полно отображающих как уникальные особенности, так и массовые черты архитектуры Боспора, развивавшейся в общем русле архитектуры Древней Греции. Предварительно выполнен комплекс реставрационных и консервационных мероприятий, отреставрированы 18 экспонатов. Приглашенным специалистом Г. П. Блудновым, доцентом кафедры дизайна и медиатехнологий Московского государственного педагогического университета, участником Артезианской археологической экспедиции, выполнено 3D-сканирование 40 архитектурных деталей, разработана веб-страница с 3D-содержимым. Для каждой цифровой копии создана индивидуальная гиперссылка, все они интегрированы в официальный сайт Восточно-Крымского музея-заповедника.

Для выявления информации, содержащейся в архитектурных элементах, в целях интерактивного предоставления их цифровых образов в контексте античных ордерных сооружений выполнен анализ источников по теме.

¹ Проект реализован в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства № 194-01.1-42_06-23 от 23.10.2023.

Результаты исследования легли в основу научной концепции, каталога-экспозиции, вступительной статьи и экскурсионного рассказа. На средства гранта приобретено необходимое оборудование для экспонирования 3D-моделей и осуществления реставрационной, фондовой и выставочной деятельности в Лашидарии.

Особое внимание при создании выставки уделено нимфейским памятникам. Аудитории представлен комплекс архитектурных элементов Нимфейских пропилей, а также плиты фриза с орнаментом в виде выющейся ветви. Экспозиция реализована с использованием подлинных экспонатов, а 3D-модели архитектурных деталей дополнили образ архитектуры и градостроительства городов Боспора, среди которых важную роль играл Нимфей. 3D-модели памятников архитектуры позволили показать технологические аспекты градостроительства – такие как свидетельства креплений соприкоснувшихся деталей, следы обработки камнерезными инструментами, строительные метки.

Открытие экспозиции состоялось 28 ноября 2023 г. В соответствии с графиком проведены десять экскурсий для организованных групп посетителей. Все этапы работы по проекту, церемония открытия, экскурсии широко освещались в СМИ. Результат проекта стал логичным дополнением экспозиций Музея каменных древностей. Выставка функционировала до 20 октября 2024 г., а в дальнейшем станет частью создаваемой постоянной экспозиции «Архитектура Боспора».

Золотой браслет из мужского погребения Куль-Обы

Нонна Леонидовна Грач посвятила много работ публикации находок из кургана Куль-Оба, особенно предметов торевтики и ювелирного искусства (Грач 1983, 1984, 1986, 1994). Среди них – золотой браслет с напаянными пластинками с рельефными изображениями Эос с Кефалом и схватки Пелея с Фетидой (Galanina and Grach 1986. Fig. 180; Грач 1994. С. 139–141. Рис. 4–6; ГЭ, инв. № К-О-18). Еще А. П. Манцевич сопоставила изображения на пластинках со сценами на мелосских терракотовых рельефах около 470–460 гг. до н. э., с чем нельзя не согласиться. Сцена схватки Пелея с Фетидой находит близкую параллель на тисненых пластинках щитков золотых серег из погребения второй четверти V в. до н. э. в Эртрии и на маленьком серебряном с позолотой медальоне из детского погребения третьей четверти V в. до н. э. некрополя Аполлонии Понтики.

Каждый сюжет представлен на пяти пластинках, при этом части изображения были обрезаны, что свидетельствует о том, что матрицы были выполнены для изготовления более крупных предметов, на что уже обращалось внимание, как и на то, что, судя по цвету золота и следам изношенности браслета, он был, вероятно, антикварным предметом и семейной реликвией. Предположение, что пластинки с рельефными изображениями были выполнены во второй четверти V в. до н. э., высказанное впервые А. П. Манцевич, было принято Н. А. Грач. Она предположила, что сам браслет был сделан с их использованием на рубеже V–IV вв. до н. э. или в первой половине IV в. до н. э., о чем, по ее мнению, свидетельствуют напаянные на стыки пластин розетты с шариком зерна в центре (Грач 1994. С. 141). Другие исследователи не предполагали такого хронологического разрыва между временем изготовления пластин и их использованием для браслета, датируя его второй четвертью V в. до н. э.

Высказывая свое предположение, Н. А. Грач сопоставляла технику изготовления данного браслета и двух других, найденных на запястье погребенной женщины, со вторично использованными рельефными пластинами, изображающими грифонов, нападающих на оленя, и отдельно прыгающего грифона. В отличие от браслетов со сценами терзания браслет, найденный на правой руке мужчины, украшен пластинами без отверстий, но обрезанными. Здесь, скорее, можно предполагать, что у мастера была матрица с указанными сценами, но размеры сюжетов по ширине не соответствовали ширине браслета, который они должны были украсить, и общая длина десяти пластинок также не соответствовала окружности браслета.

В докладе будут рассмотрены примеры использования матриц в торевтике и ювелирном деле Греции VI–V вв. до н. э.

Несмотря на логичность предположения Н. А. Грач о том, что три браслета из Куль-Обы были изготовлены в одной мастерской на Боспоре в конце V или начале IV в. до н. э., оно не обязательно соответствует действительности. Анализ показывает, что вряд ли и розетты могут быть решающим аргументом в пользу большого хронологического разрыва между датировкой рельефов и их использованием в оформлении браслета. Известны примеры использования подобных розетт для украшения ювелирных изделий VI–V вв. до н. э. из Малой Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Букина 2022

Букина А. Г. Фрагменты афинских архаических психтеров из Нимфея // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья : материалы IV науч.-практич. конф., п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 г. / отв. ред. С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь, 2022 . С. 90–101.

Вахтина 2010

Вахтина М. Ю. О своеобразии хозяйственного уклада древнего Порфмия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Материалы XI Боспорских чтений / ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 64–71.

Голенко 1974

Голенко К. В. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. 1974. Т. 9. С. 61–93.

Джанов 2012

Джанов А. В. Поселение на юго-западном склоне г. Сокол // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. 2012. № 28. С. 71–80.

Зубарев 2011

Зубарев В. Г. К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н. э. // Боспорский феномен : Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 244–247.

Ланцов 1999

Ланцов С. Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак – Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–136.

Ланцов, Голенко 1999

Ланцов С. Б., Голенко В. К. О западной границе Боспора в IV в. н. э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен : Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 177–181.

Майко, Джанов 2015

Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015.

ОАК за 1878–1879 гг.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1878–1879 гг. СПб., 1881.

Петракова 2023

Петракова А. Е. Фиалы-мезомфалы с декором в технике Сикса и бихромные фиалы «Ахеменидского типа» в материалах раскопок на территории европейского и азиатского Боспора : проблемы выявления и изучения // Боспорские исследования. Вып. 46 / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь, 2023. С. 37–72.

Силантьева 1959

Силантьева П. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 3–107.

Терещенко 2013

Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.

Фронджуло 1972

Фронджуло М. А. Работа Судакского отряда // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Худяк 1952

Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее // АИБ. 1952. Т. 1. С. 75–87.

Чистов 2022

Чистов А. Е. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи : дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук : в 2 т. СПб., 2022.

Charinos 1929

Beazley J. D. Charinos // The Journal of Hellenic Studies. 1929. Vol. 49. Pt. 1. P. 38–78.

Das Krokodil des Sotades 1919

Buschor E. Das Krokodil des Sotades // Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst. Bd. XI (1919/20). H. 1/2. S. 1–43.

Lantsov 2001

Lantsov S. Short account of the Bosporian fortress Kutlak: Arrian's Athenaeon? // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7. N 1–2. P. 123–149.

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа
197183, Санкт-Петербург, Заусадебная ул., 37
Заказ 64. Тираж 160 экз. 13.11.2024